

прожитых во Вьетнаме, о своих вьетнамских друзьях, со многими из которых они продолжают переписываться, и все они мечтают снова побывать в этой притягивающей, как магнит, удивительной стране.

Размышляя над этим загадочным феноменом, я пришел к следующим выводам. Разумеется, Вьетнам — очень красивая, экзотическая страна, вьетнамцы — прекрасный, достойный народ. Но ведь то же самое можно сказать о многих других странах и народах. Думается, все же, что в основе этого феномена, лежат, скорее всего, две наиболее типичные черты и русского, и вьетнамского характеров — чувства сострадания и преклонения перед героизмом. А ведь история и нашего, и вьетнамского народов сложилась таким образом, что и страданий они хлебнули сполна, и чудеса массового героизма и самопожертвования явили миру не однажды.

К 75-ЛЕТИЮ ГРИГОРИЯ МИХАЙЛОВИЧА ЛОКШИНА

Вопрос. Какими были самые яркие, запоминающиеся события и люди того времени, которое во все учебники дипломатии вошло как «вьетнамская эпоха», какое значение с учетом этих примеров имеет «народной дипломатии» в нынешних условиях?

Ответ:

Так случилось в моей жизни, что мне пришлось с самого начала американо-вьетнамской интервенции во Вьетнаме непосредственно заниматься организацией массового движения солидарности с вьетнамским народом в Советском Союзе и сотрудничеством с многочисленными общественными движениями и организациями различных стран, включившимися в борьбу за прекращение войны во Вьетнаме.

Невозможно здесь привести имена тысяч самых выдающихся деятелей нашей науки, культуры и искусства, политических и общественных деятелей, рядовых граждан страны, отдававших силы и время, талант и вдохновение борьбе за прекращение американской агрессии во Вьетнаме словом и делом. Этого нельзя забывать ни в коем случае. Это был бесценный опыт действительно массового общественного движения, ставшего непреодолимой стеной на пути наиболее реакционных сил того времени, развязавших преступную войну. Расскажу лишь о нескольких запомнившихся и наиболее ярких событиях.

«Корабль солидарности». Во второй половине 60-х годов прошлого века эти слова стали хорошо знакомы для нашей общественности. В прессе часто сообщалось о сборе средств для отправки во Вьетнам очередного «корабля солидарности» с гуманитарной помощью для Вьетнама. При этом мало кто знал, какая огромная организаторская работа стояла за каждым таким кораблем. Средства на такую операцию выделял Советский фонд мира — массовая общественная организация, собиравшая добровольные пожертвования индивидуальных граждан, а также коллективов предприятий и учреждений, театров, различных религиозных конфессий. Возглавлял его в те годы известный писатель Борис Полевой. Это были значительные суммы для того времени — каждый раз по 5—6 млн рублей, а доллар тогда стоил по официальному курсу больше 60 копеек. И шли они не из государственных ассигнований на помощь Вьетнаму, а в дополнение к ним.

На эти средства необходимо было приобрести именно те товары и изделия, которые были, действительно необходимы. Это были, прежде всего, машины скорой помощи, противопожарные средства, медицинское оборудование для госпиталей, медикаменты и перевязочные средства. В дополнение к этому направлялось большое количество сгущенного молока, молочного порошка и других необходимых продуктов, а также индивидуальные подарочные наборы для солдат и офицеров. Все это надо было заказать десяткам различных предприятий, скоординировать их работу таким образом, чтобы все грузы были доставлены в назначенное время и в определенный порт погрузки. Все «корабли солидарности» уходили из двух портов бывшего СССР — Новороссийска и Владивостока. Их отплытие всегда сопровождалось массовыми митингами. Всем этим и занимался Советский комитет поддержки Вьетнама, конечно, при помощи и содействии партийных органов всех уровней.

В апреле 1967 г. мне довелось сопровождать во Вьетнам один из первых таких «кораблей солидарности». Это был сухогруз «Раздольное» дальневосточного пароходства водоизмещением более 5 тысяч тонн. Он из Владивостока направлялся во вьетнамский порт Хайфон. На борту кроме экипажа была груп-

па корреспондентов различных газет, радио и телевидения. Из них я сегодня припоминаю только корреспондента «Комсомольской правды» Леонида Кузнецова и одного из постоянных авторов популярного в те годы журнала «Юность» Теодора Гладкова. Первые пять суток плавания прошли без приключений. Но на шестые сутки уже у входа в Тонкинский залив пришлось почувствовать напряженность обстановки в этом регионе. Радист принял сигнал американского военного корабля, который требовал доложить о том, куда мы направлялись и с каким грузом. Посоветовавшись с Владивостоком, мы решили это требование проигнорировать. Но вскоре над палубой нашего корабля на предельно низкой высоте стал кружить двухмоторный американский самолет. Делал он это так, будто пытался сбить мачту или трубы нашего корабля. Бывалые моряки пояснили, что таким образом летчик не столько нас пугает, сколько рассматривает груз корабля, размещенный на верхней палубе. Они говорили, что там иногда размещали наши ракеты ПВО, доставлявшиеся во Вьетнам морским путем.

А тем временем поступила команда с американского корабля, потребовавшего остановиться и принять на борт группу для осмотра груза. Никаких прав так себя вести американцы не имели, но доказывать это в открытом море было довольно бесполезным делом. Мы получили указание следовать своим курсом и не останавливаться. И тогда на горизонте возник во всей своей красе облепленный многочисленными антеннами огромный американский штабной авианосец «Райт», с борта которого осуществлялось руководство воздушными налетами на Вьетнам. Скорость его была значительно выше, чем у нашего уже не нового сухогруза. И вскоре мы оказались чуть ли не борт к борту. Не скажу, что мы все испытывали большую радость от этой встречи. Наши журналисты приготовились все снимать из всех своих кино- и фотоаппаратов. С обеих сторон на палубу вышли все свободные от вахты моряки. Напряженное противостояние длилось несколько минут, после чего американцы отвернули в сторону и ушли. Видимо, решили с нами не связываться, зная о том, что это был за корабль и почему за его плаванием следили советские люди.

Однако приключения на этом не кончились. По прибытии в порт должны были состояться митинг и пресс-конференция. Но план оказался спутан воздушной тревогой, прозвучавшей, когда мы только что сошли на берег. Так что первое интервью мне пришлось дать тогдашнему корреспонденту «Правды» во Вьетнаме Алексею Васильеву (позднее он стал членкором РАН и директором Института Африки), с которым вместе мы оказались в одном из хорошо тогда всем знакомых индивидуальных укрытий. Их повсюду было вырыто довольно много. Это была обычная бетонная труба, врытая в землю примерно на метр глубины. Стоять в ней было нельзя. Нужно было садиться на корточки, что для вьетнамцев обычное дело, и закрываться сверху бетонной крышкой. Такими убежищами были усеяны тогда почти все тротуары в городах. Эффективность их была довольно сомнительной, но психологическое значение они, конечно, имели, создавая иллюзию защищенности и предотвращая возможную панику. Рассказывать об ощущениях человека, бессильно ожидающего своей участи в подобном «укрытии» под оглушительный грохот «фантомов» не приходится. Зато запомнилось это навсегда.

А дальше были поездки по стране, встречи с ракетчиками, моряками и артиллеристами, с бойцами частей, которым предстояла отправка на фронт в Южный Вьетнам. Наша миссия состояла в том, чтобы внушить им, что они не одни, что на их стороне стоят миллионы наших людей, которые вместе с ними и другими людьми доброй воли всего мира желают им победы и борются за прекращение американской агрессии.

Дух Стокгольма. Важнейшей особенностью 60—70-х годов прошлого века стало повышение роли общественных организаций и движений гражданского общества во многих государствах мира. Акты агрессии и насилия над народами никогда раньше не вызывали такого всеобщего отрицания и негодования, широкого и активного противодействия, как во время войны во Вьетнаме.

Советские общественные организации, проводившие мощную кампанию солидарности с Вьетнамом в своей стране, играли также самую активную роль в расширении и усилении меж-

дународного движения против американской агрессии, в поддержку вьетнамского народа, которое приняло особенно большой размах в США, в странах Европы, Японии и Австралии. Это тоже были многотысячные митинги, демонстрации, дни и недели солидарности с вьетнамским народом, массовые международные форумы, сбор средств для Вьетнама. Но они не происходили стихийно и как бы сами по себе. Их кто-то же должен был готовить, организовать и проводить.

Первоначально инициаторами кампании массового протеста против начавшейся в 1965 г. интервенции США стали международные организации, в которых участвовали представители общественности СССР и других социалистических стран. Это были Всемирный Совет Мира, Всемирная Федерация Профсоюзов, Всемирная Федерация Демократической Молодежи, Международная Демократическая Федерация женщин и многие другие, как тогда их называли, — «международные демократические организации». Мы использовали свое влияние в этих организациях для ориентации их деятельности, в первую очередь, на активную поддержку борьбы вьетнамского народа. Их лидеры и активисты шли во главе массовых демонстраций, выступали на митингах протеста, в прессе и по телевидению, осаждали посольства США в различных странах пикетами и петициями с требованием немедленно прекратить бомбардировки и вывести войска из Вьетнама.

По мере развития событий во Вьетнаме в антивоенное движение все более активно включались самые широкие политические силы и самые разные общественные, молодежные, женские и религиозные организации. Перед созданным в СССР Советским комитетом поддержки Вьетнама была поставлена задача не только инициировать массовые акции общественности в СССР, но и наладить активное сотрудничество и взаимодействие с зарубежными общественными организациями и движениями, найти с ними общий язык в этом вопросе, несмотря ни на какие идеологические и политические различия. И комитет, как показали дальнейшие события, с этой задачей справился довольно успешно.

К лету 1967 г. сложились все условия для проведения большой и открытой для всех международной встречи организаций и движений, выступавших за прекращение американской агрессии во Вьетнаме. И такая встреча была нами подготовлена и проведена в Стокгольме 6—9 июля. Почему в Стокгольме? А потому, что к этому времени именно в скандинавских странах, особенно в Швеции, возмущение действиями США во Вьетнаме было особенно сильным. Весь мир тогда облетели кадры телехроники, показавшие молодого министра просвещения Швеции и будущего премьера страны Олафа Пальме, шедших плечом к плечу с послом ДРВ, во главе колонны демонстрантов, протестовавших против жестоких бомбардировок городов и сел Вьетнама. Я в кадры телехроники, по понятным причинам, не попал, но хорошо помню, как шел где-то рядом вместе с нашими шведскими друзьями.

Стокгольмская конференция по Вьетнаму стала событием беспрецедентным и переломным. Ведь это были времена «холодной войны». Каждый шаг в преодолении взаимного недоверия и многолетней отчужденности между нами и общественными силами западных стран давался с большим трудом. Но общее желание добиться прекращения войны, грозившей перерасти в крупный мировой конфликт, оказалось сильнее разногласий. Конференция успешно завершилась, несмотря на то, что международное положение резко обострилось в связи с разразившейся в это же время войной на ближнем Востоке. С тех пор такие конференции проводились ежегодно вплоть до 1975 г. и стали важнейшим форумом народной дипломатии, на котором всегда удавалось договориться о совместных действиях общественности многих стран против войны во Вьетнаме. Именно там определялись задачи, лозунги и даты совместных выступлений, в ходе которых на улицы и площади крупнейших городов всех континентов одновременно выходили миллионы людей с требованиями прекращения бомбардировок, начала переговоров и вывода американских войск. Вместе с вьетнамскими друзьями мы учились сотрудничать и находить общий язык с другими, не похожими на нас людьми, ради общего дела мира на Земле.

Преступления и наказания. Среди множества родившихся в Стокгольме инициатив особого внимания заслуживает опыт работы созданной там Международной комиссии по расследованию военных преступлений США во Вьетнаме. Тогда еще не было ни Международного Уголовного Суда, ни специального трибунала ООН в Гааге. Но ясно было и тогда, что агрессор делает все возможное, чтобы скрыть от общественного мнения факты применения в высшей степени жестоких и бесчеловечных средств ведения войны, запрещенных международным правом. Сегодня всем известно, что американцы применяли отравляющие вещества (среди них диоксин), от которых до сих пор погибли люди во многих районах Южного Вьетнама. Широко практиковались «ковровые» бомбардировки городов. В крупных масштабах против мирного населения использовался напалм. Имело место массовое разрушение больниц, детских учреждений, церквей и храмов. Одно время велись целенаправленные бомбардировки дамб и гидро-технических сооружений, что в условиях Вьетнама грозило затоплением огромных территорий. Все это было и не должно забываться. Но тогда надо было установить сами факты преступлений, сделать их достоянием гласности, дать правовую оценку и, по крайней мере, разоблачить виновников, ибо наказать их было не в наших силах. Для этого и был создан общественный трибунал в виде компетентной Международной комиссии по расследованию военных преступлений США в Индокитае.

Легко сказать: создан международный трибунал. Но он не возникает по мановению чьей-то руки. Для этого потребовалась огромная политическая и организационная работа. Председателем Комиссии был избран всемирно признанный авторитет в экономической науке и видный шведский дипломат Гуннар Мюрдаль. В нее удалось включить действительно компетентных и уважаемых людей, к голосу которых прислушивались во всем мире. Активное участие в ее работе приняли бывший министр юстиции США при президенте Кеннеди Рамсей. Кларк, генеральный секретарь Международной ассоциации юристов-демократов, француз Джо Нордман и многие другие всемирно известные тогда люди. От нас в состав комиссии входил лауреат

Нобелевской премии, известный советский физик, академик Павел Алексеевич Черенков и бывший заместитель советского обвинителя на Нюрнбергском процессе над нацистскими военными преступниками, в то время Председатель Верховного Суда РСФСР Лев Николаевич Смирнов. В качестве экспертов большой вклад в работу Международной Комиссии внесли доктор юридических наук, тоже участник Нюрнбергского трибунала и автор многих научных работ о военных преступлениях профессор Аркадий Иосифович Полторак, а также доктор юридических наук, наш представитель в Секретариате Всемирного Совета Мира Александр Александрович Берков.

Комиссия неоднократно направляла во Вьетнам свои исследовательские группы (Facts finding missions) для сбора на месте доказательств и документов. Каждая сессия Комиссии становилась крупным общественно-политическим событием и привлекала внимание многих западных СМИ. К примеру, слушания в Копенгагене в 1972 г. открывал сам премьер-министр Дании Й. Йоргенсен. Накопленный Комиссией Г. Мюрдаля опыт в дальнейшем не раз пытались использовать в связи с другими политическими ситуациями — такими, как репрессии чилийских жандармов Пиночета или даже действия авиации НАТО в Югославии в начале 90-х годов. Но добиться столь значительного международного общественного резонанса, как в связи с американской агрессией во Вьетнаме, ни у кого больше не получалось.

Постоянная и систематическая работа по формированию благоприятного общественного мнения на международной арене, которой вьетнамское руководство на всех этапах борьбы за независимость и воссоединение страны придавало первостепенное значение и в которую решающий вклад внесли общественные организации Советского Союза, принесла свои плоды. Международная кампания протеста против войны США во Вьетнаме приобрела к началу семидесятых годов прошлого века настолько широкий размах, что стала одним из решающих морально-политических факторов победы патриотических сил в Южном Вьетнаме. Она вынудила правящие круги США, да и

других стран, считаться с общественным мнением как с реальной политической силой в международных отношениях.

Вопрос. А как Вы стали ученым? И главное: насколько может быть взаимосвязана общественная, политическая деятельность и деятельность ученого? Не мешает ли одно другому?

Ответ:

Учеными, естественно не рождаются. Научной работой я заинтересовался в студенческие годы и на практике в Посольстве СССР в ДРВ. Мне повезло с умными и опытными учителями. Меня всегда увлекала потребность более углубленного понимания происходящих событий в стране, изучение которой стало моей профессией. А для этого нужны были достаточно глубокие знания в области истории, экономики, социальной психологии, традиций и обычаев Вьетнама, его текущей политики, внутреннего и международного положения. Наука, во многом представляет собой бесконечный процесс добывания и накопления знаний во всех этих областях, а также их сохранения и передачи новым поколениям. Активной общественной деятельностью пришлось заняться, прежде всего, из-за начавшейся интервенции США во Вьетнаме. Полученные ранее знания не только не мешали практической работе, но и являлись неременным условием успешного выполнения поставленных задач. А приобретавшийся на практике опыт, постоянный обмен информацией с многочисленными коллегами по работе, длительные дискуссии с людьми других взглядов и убеждений, отслеживание появлявшихся в мире научных трудов по интересовавшей меня тематике — все это вместе позволяло и самому делать некоторые обобщения, высказывать собственные соображения, подсказанные жизнью, и писать статьи в прессе и в научных журналах, участвовать в коллективных работах коллег по самым актуальным проблемам.

Вопрос. Григорий Михайлович, нашу беседу прочтут многие молодые, начинающие российские вьетнамоведы. От каких возможных профессиональных ошибок Вы могли бы их предупредить, а главное, чтобы Вы ответили на вопрос: как достичь успеха на «вьетнамской ниве»?

Ответ:

От ошибок не застрахован никто, и, как известно, их не совершает только тот, кто ничего не делает. Самая опасная ошибка любого профессионала — это иллюзия относительно того, что вс и обо всем в данном деле ему уже известно. На самом же деле, чем больше ты знаешь какой-либо предмет, особенно, например, вьетнамский язык, тем лучше понимаешь, что, в действительности, ещ не знаешь ничего. Успеха каждый должен добиваться по-своему, но всегда он приходит к тому, кто неустанно работает над собой. А на «вьетнамской ниве» никакой успех не возможен, если в ходе учебы и работы по мере знакомства с жизнью этой страны и ее народа не возникает к ней глубокой симпатии и интереса.

Е.В. Кобелев

ПАМЯТИ ДРУГА

11 декабря 2012 года остановилось сердце одного из видных российских вьетнамоведов, большого моего друга **Афони́на Серге́я Никитовича**.

Мы познакомились 30 августа 1956 года в общежитии Московского Государственного университета на Стромынке. И сразу вдруг почувствовали друг друга чуть ли не близнецами — у нас практически все было одинаковое. Оба приехали из одной республики — Сергей из Киева, я из Симферополя. Оба — безотцовщина, и виной тому была война, у обоих — старшие сестры, которые в детстве заменяли нам матерей. Оба играли в шахматы на уровне кандидатов в мастера, оба писали стихи, оба любили петь. У Сергея был редкий по тембру, очень нежный, поистине сладкий тенор, и когда он начинал выводить свою любимую каватину венецианского гондольера, к нашей комнате стайкой сбегались девушки из соседних комнат.

Сергей был сыном советского офицера, который героически погиб на фронте. Мама с двумя маленькими детьми успела эвакуироваться из Киева до прихода фашистов. Но их поезд попал под жестокую бомбежку, и мама, прикрыв своим телом детей, была тяжело ранена и на всю жизнь осталась инвалидом. После войны Сергей как сын погибшего фронтовика и матери -инвалида был принят в элитный киевский специнтернат с углублен-